

ИНСТИТУТЫ АЗИАТСКО–ТИХООКЕАНСКОГО И ВОСТОЧНО–АЗИАТСКОГО РЕГИОНАЛИЗМА: ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ, ПРОБЛЕМЫ И ИНТЕРЕСЫ УЧАСТНИКОВ

Сергей Витальевич СЕВАСТЬЯНОВ,
кандидат политических наук, профессор кафедры мировой экономики ВГУЭС

С окончанием «холодной войны» Россия активизировала усилия по участию в многосторонней дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), вступив в начале 1990-х гг. в ряд международных неправительственных организаций. В последующие годы Москва предприняла энергичные усилия по подключению к межправительственному сотрудничеству, став партнёром по диалогу регионального Форума АСЕАН (АРФ) в 1996 г. и членом Форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) в 1998 г. В 2001 г. Россия вошла в число стран — основателей Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), с 2003 г. участвует в 6-сторонних переговорах по проблеме безопасности Корейского полуострова. Россия поддерживает деятельность межправительственных (МПО) и неправительственных (МНПО) организаций, способствующих налаживанию регионального диалога, планирует и дальше продолжать активную работу в многостороннем формате, позволяющем лучше узнать мнения партнёров и выразить российскую точку зрения по важнейшим региональным проблемам.

В 2005 г. Москва проявила интерес к участию в формирующемся восточно-азиатском сообществе, однако встретила с определёнными трудностями. В этой связи представляется актуальным проанализировать историю формирования и деятельности организаций азиатско-тихоокеанского сотрудничества, с которыми за последнее десятилетие вступили в конкуренцию более узко понимаемые институты восточно-азиатского регионализма. В статье приведена оценка основной проблематики, институциональных особенностей этих МПО, а также интересов ведущих участников. На этом основании автор делает прогноз их развития и предлагает некоторые рекомендации российского участия.

При раскрытии темы не обойтись без концепции *регионализма*, который обычно понимается как целенаправленная политика государств (их отдельных регионов) и других акторов по осуществлению преимуще-

ственно политического процесса сотрудничества в регионе и приданию ему системного характера. Во многом он связан с процессом создания институтов, хотя при этом не существует концепции, устанавливающей определённую планку по уровню институализации для того, чтобы считаться «правильным» или истинным регионом. В научной литературе модель европейской интеграции часто выдаётся за образец и ожидается, что остальные регионы пойдут тем же универсальным путём. Но, по выражению Р. Хигготта, если даже Восточная Азия и использует европейский опыт, это не значит, что сегодняшняя Европа — это то, чем станет Восточная Азия в будущем¹. Более того, по оценке М. Калера, характерная для ЕС высокая степень институализации международных институтов, скорее, является аномалией, а не ведущей тенденцией их формирования в других регионах мира².

Рассмотрение институтов сотрудничества уместно начать с Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), проявившей себя как основной спектр развития многостороннего сотрудничества в Восточной Азии. При этом находящиеся в геополитическом окружении крупных региональных держав страны АСЕАН постоянно стремились позиционироваться в качестве системообразующего ядра, вокруг которого выстраиваются вновь создаваемые региональные МПО. Стремлением усилить свой политико-экономический вес можно объяснить и растущий список стран — официальных партнёров по диалогу АСЕАН. Об этом же свидетельствует и ускоренный прием в состав организации (1995—1999 гг.) четырёх новых членов из бывшего коммунистического лагеря (Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа), которые были приняты в АСЕАН в отличие от опыта ЕС без выполнения каких-то предварительных условий, в том числе идеологического характера.

Представляется важным рассмотреть выработанный за долгие годы общий набор институальных норм, идейных и организационных принципов этой МПО, получивший название «путь АСЕАН» («the ASEAN Way»), так как он стал основополагающим для деятельности большинства региональных МПО, включая АТЭС, АРФ, АПТ и др. Известный эксперт Амитав Ачара характеризует «путь АСЕАН» как «процесс региональных взаимодействий и сотрудничества, базирующийся на постепенности, неформальности, консенсусе, личных политических связях, неконфронтационной манере ведения переговоров, большей значимости процесса по сравнению с результатом»³. Такой формат общения резко контрастирует с западной моделью, для которой характерны жёсткое соперничество и чёткая юридическая основа. Основополагающим для «пути АСЕАН» является принцип невмешательства во внутренние дела членов организации, исходя из безусловности суверенитета государств.

По мере развития организации эти нормы не оставались статичными, и с середины 1990-х гг. члены АСЕАН начали вести дебаты по поводу целесообразности изменения подходов к принципу невмешательства. В 1999 г. всплеск насилия в Восточном Тиморе поставил вопрос: могут ли члены МПО напрямую включиться в решение проблемы? Однако

прецедент (возможная интервенция государств АСЕАН на территорию Индонезии) не был создан, а возглавить подавление насилия пришлось ООН. В перспективе институальные возможности АСЕАН влиять на политические процессы в регионе будут подрываться с двух направлений. С одной стороны, расширение АСЕАН привело к почти непреодолимым сложностям в социализации новых членов, таких как Мьянма, с другой — появление всеобъемлющих региональных институтов, как АПТ, угрожает АСЕАН превращением в малозначимое собрание в рамках более крупной структуры⁴.

С приходом на пост Президента Владимира Путина была принята новая концепция внешней политики РФ, в которой подчёркивалась важность построения многополярного мира, а также приоритетность интеграции России в АТР, для чего Москва будет активно участвовать в работе АТЭС и АРФ⁵. В августе 2003 г. во время визита Путина в Куала-Лумпур подписан контракт о покупке Малайзией 18 истребителей СУ-30 общей стоимостью 900 млн. дол., а дальнейшее продвижение Москвы на рынок вооружений ЮВА способно повысить её политическое влияние в регионе. При этом в октябре того же года Путин снова посетил Малайзию, где по приглашению Махатиры принял участие в качестве наблюдателя в заседании Организации Исламской Конференции, что было важно с точки зрения российской дипломатии по отношению к исламскому миру. В целом достижения политики Путина в ЮВА состояли в том, что уровень отношений России со странами АСЕАН поднялся, и это позволило обсуждать возможности официального участия Москвы в регионализме Восточной Азии⁶.

Наиболее активно отношения России со странами АСЕАН развивались в политической сфере и в области безопасности. В 2003—2004 гг. Москва присоединилась к двум основополагающим документам АСЕАН: Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и Протоколу о ЮВА как зоне свободной от ядерного оружия. В 2005 г. было принято решение сделать саммиты Россия—АСЕАН регулярными. В экономической сфере также наметился прогресс, однако проблема в том, что позитивное развитие началось от очень низкого базового уровня. При этом российский экспорт в страны АСЕАН составил в 2004 г. всего один процент от международного товарооборота, а для АСЕАН в этом же году аналогичный показатель равнялся 0,3%⁷.

Международное сотрудничество в экономической сфере на азиатско-тихоокеанском уровне оформлено в виде созданного в 1989 г. Форума АТЭС. Этот факт стал практическим воплощением долго вынашиваемой США идеи тихоокеанского регионализма, которую они реализовали при активной поддержке своих союзников (Японии и Австралии). Основные мотивы создания АТЭС были экономического и торгового характера, хотя довольно быстро его деятельность приобрела высокий уровень политической значимости. В 1998 г. официальным членом АТЭС стала Россия, что явилось прорывом для российской внешней политики в регионе. В своей деятельности АТЭС руководствуется принципом

открытого регионализма, суть которого заключается в том, что развитие сотрудничества и снятие ограничений на движение товаров, денежных и людских потоков внутри АТР сочетается с соблюдением принципов ВТО. Пик в деятельности АТЭС пришёлся на 1994—1995 гг., когда были определены задачи формирования в регионе системы свободной торговли и инвестиций (в соответствии с Богорской декларацией создание ЗСТ для промышленно развитых стран намечено на 2010 г., а для развивающихся — на 2020 г.) и выработан план продвижения в этом направлении. Тем не менее перспективы формирования на базе АТЭС полномасштабной интеграционной группировки неопределённые, что во многом связано с несопадением приоритетов в деятельности МПО, которых придерживаются развитые англо-саксонские и развивающиеся азиатские государства.

Так, США заинтересованы в быстрой и полной либерализации торговых и финансовых потоков и открытии рынков стран Восточной Азии, на долю которых приходится большая часть их внешнеторгового дефицита. Со своей стороны развивающиеся страны Восточной Азии выдвигают на первый план не либерализацию торговли и капитала, а содействие торговле и экономическое, а также научно-техническое сотрудничество. Более того, прозвучавшие в разгар финансового кризиса 1997 г. идеи придать экономической и финансовой интеграции в рамках АТЭС более обязывающий характер по мере преодоления кризиса так и не получили практического развития. Существенный негативный вклад в это внесла Япония, воспрепятствовавшая включению продукции рыбной и лесной отраслей в список, подпадающий под действие программы «ранней добровольной секторной либерализации» (РДСЛ). В результате тематика РДСЛ была передана на рассмотрение ВТО, и Вашингтон переключил на неё основное внимание как на важнейшее направление либерализации торговли в АТР. По мнению американца Э. Линкольна, эти события ознаменовали окончание активных усилий АТЭС по продвижению программы РДСЛ и таким образом зафиксировали кризис идентичности этой МПО⁸.

С другой стороны, именно разнообразие участников и широкий подход к членству обеспечили организации уникальную роль в АТР: только саммиты АТЭС собирают вместе лидеров ведущих мировых и региональных держав, став для них отличной возможностью проведения двусторонних встреч. Как следствие, повестка дня саммитов стала расширяться за счёт включения в нее вопросов безопасности. Так, в 1999 г. в Новой Зеландии было оперативно согласовано решение об отправке войск ООН в Восточный Тимор, а в 2001 г. в КНР была принята резолюция, осуждающая терроризм. Даже с учётом попыток сторонников АТЭС повысить значимость организации за счёт включения в повестку вопросов региональной безопасности, похоже, что лучшие времена этой МПО остались позади. Отдаваемое администрацией Буша предпочтение односторонним действиям и двусторонним соглашениям ослабило АТЭС, а невнимание к многостороннему сотрудничеству сделало политику США в Восточной

Азии менее эффективной. В то же время, несмотря на значимость вышеописанных негативных тенденций, роль АТЭС для Вашингтона как инструмента поддержания диалога со странами АТР в перспективе может возрасти, так как в новых интеграционных структурах Восточной Азии США пока не находится места.

Главная проблема российского участия в АТЭС — низкий уровень вовлечённости (объема ВЭС, финансовых, информационных потоков, демографического вклада) в экономическую жизнь региона. Так, доля ВЭС России находится в пределах одного процента внешнеторгового оборота АТР, а её инвестиции в эти страны незначительны. В результате у последних нет большого интереса для обсуждения с представителями России в рабочих органах АТЭС конкретных положений, регулирующих торговые и другие направления сотрудничества. В то же время доля стран АТЭС во внешнеторговых, прежде всего экспортных, операциях России достаточно высока (свыше 15%), превышает объём экспорта в страны СНГ, т.е. РФ больше зависит от торгово-экономических связей со странами АТЭС, чем последние зависят от России⁹.

Высшее руководство страны считает участие в работе МПО приоритетной задачей, о чём свидетельствует регулярное участие президента РФ в саммитах, утверждение им Концепции участия РФ в АТЭС и создание Комиссии правительства по вопросам участия России в этой организации, а также проведение мероприятий АТЭС на своей территории. Активная работа на высшем политическом уровне позволила довести до стран региона российские приоритеты в АТР, прежде всего это увеличение вклада России и придание нового качества региональному сотрудничеству в области энергетики, транспорта, наукоёмких технологий и т.д.¹⁰ Использование этих механизмов для Дальнего Востока РФ позволяет координировать экономическую деятельность со странами АТР в области торговли, рыболовства, транспортной и связной инфраструктуры, энергетики и др. В последние годы местом проведения большинства российских мероприятий из годовой программы АТЭС стал Владивосток (2002 г. — седьмой инвестиционный симпозиум и третья ярмарка инвестиций АТЭС, 2005 г. — ежегодное заседание Транспортной группы). Ещё одним подтверждением повышенного внимания к АТЭС стало недавнее решение руководства России провести в 2012 г. саммит АТЭС во Владивостоке.

Становление многосторонних подходов к безопасности — отличительная черта АТР в 1990-е гг., это нашло своё выражение в создании в 1994 г. регионального Форума АСЕАН. Идею создания новых механизмов безопасности высказывали представители России¹¹, Австралии и других государств, однако реализовать её смогли страны АСЕАН, предложившие новый формат многостороннего регионализма, основанный на взаимодействии с внешними акторами, получившими статус партнёров по диалогу. Страны АСЕАН стали лидерами новой организации, так как не рассматривались другими участниками в качестве угрозы безопасности.

За свою 14-летнюю историю АРФ остался консультативным форумом, не став организацией, «решающей проблемы», и оценки эффективности МПО разнятся в зависимости от ожиданий участников. Так, к позитивным результатам можно отнести тот факт, что со времени создания организации в Восточной Азии не произошло ни одного серьёзного военного конфликта. С другой стороны, выработка мер превентивной дипломатии застопорилась, а такие важнейшие вопросы, как Тайваньская проблема или безопасность Корейского полуострова, не обсуждались. После события 11 сентября 2001 г. администрация Буша попыталась сделать проблему борьбы с международным терроризмом главной в деятельности АТЭС и АРФ. Так, по мнению бывшего Госсекретаря США Колина Пауэлла, кампания против терроризма как объединяющая тема для всех членов АРФ может «стать фокусом деятельности МПО, которого у неё раньше просто не было»¹².

Пекин в подходах к разрешению конфликтов, в том числе территориальных споров, как и США, прибегает к двусторонним отношениям, а не к помощи АРФ. В то же время за последнее десятилетие Китай приобрёл позитивный опыт использования многосторонних подходов в решении проблем безопасности в рамках ШОС. Россия, имеющая в АРФ статус партнёра по диалогу, активно способствует эффективной работе в сферах выработки мер доверия и превентивной дипломатии. Одновременно Москва разделяет точку зрения Пекина о том, что для повышения продуктивности работы АРФ необходимо использовать опыт других МПО, особенно в свете инициативы Ташкентского саммита ШОС о формировании сети партнёрств между азиатскими и тихоокеанскими форумами и организациями¹³.

Если говорить о межправительственном регионализме в рамках Восточной Азии, то у истоков идеи стоял бывший премьер-министр Малайзии Махатир Мохамад. С официальным предложением создания Экономического Совета Восточной Азии (ЭСВА) он впервые выступил в 1991 г. на встрече министров экономики стран АСЕАН в Куала-Лумпуре. Предложение Малайзии было враждебно воспринято в Вашингтоне, не желавшем появления в АТР закрытого регионального блока. Оказав сильный политический нажим на Токио, США заблокировали его реализацию.

Тем не менее идея интеграции Восточной Азии возродилась в 1996 г., когда был налажен диалог между Европой и Азией, получивший название встреч «Азия-Европа» (АСЕМ). В 1994 г. бывший в то время премьер-министром Сингапура Го Хок Тон предложил встречи «Азия-Европа» на уровне руководителей государств. Для участия в переговорах странам пришлось определиться, кто должен представлять на этих встречах Азию и Европу. Было решено, что на первом саммите в Таиланде в 1996 г. Азию представят шесть стран — членов АСЕАН, Вьетнам (его приём в АСЕАН планировался на июль 2005 г.), Китай, Япония и Республика Корея, а вторую — 15 действующих членов ЕС. В результате состав участников от Азии в АСЕМ практически совпал с ранее предлагавшимся в заблокированном ЭСВА.

За более чем десятилетнюю историю АСЕМ выстроила развёрнутую сеть консультационных и диалоговых механизмов для реализации своей миссии, направленной на укрепление сотрудничества в трёх основных сферах (политической, социально-экономической и культурной). Прошедшие саммиты АСЕМ показали, что у азиатских участников нет развитого чувства региональной солидарности, характерного для их европейских коллег. Для исправления ситуация «группа мудрецов» в докладе (1999 г.) рекомендовала азиатским членам организации усилить диалог между собой¹⁴. В 2004 г. АСЕМ расширила своё членство за счёт включения 10 новых членов ЕС и трёх оставшихся стран АСЕАН (Лаос, Камбоджа и Мьянма), после чего предполагалось приостановить приём новых членов до выработки по этому вопросу консенсуса.

Россия, желая быть в этой организации¹⁵, столкнулась с извечной проблемой идентичности. Москва планировала вступить в эту трансрегиональную МПО в качестве азиатского государства, для чего было необходимо получить поддержку стран АСЕАН, однако последние отказали ей, так как не смогли прийти к консенсусу, кого же она будет представлять в АСЕМ: Азию или Европу¹⁶.

Оценки экспертов по поводу достижений АСЕМ разнятся. Критики утверждают, что этот трансрегиональный проект имеет лишь символическое значение. Оптимистичные оценки основаны на том, что низкий уровень развития институциональных механизмов отражает региональные политические реалии. При этом, не добившись чего-либо существенно, она оказала долговременный эффект консолидации идеи Восточной Азии как целостного актора. Таким образом, ЕС и АСЕМ непроизвольно выступили в роли региональных интеграторов, способствуя созданию в 1997 г. новой МПО, получившей название «АСЕАН Плюс Три» (АПТ).

Основным же катализатором возрождения идеи интеграции Восточной Азии и весомым предлогом для начала её реализации стал финансовый кризис 1997 г. Среди его наиболее важных последствий можно выделить проявление неспособности ведущих региональных организаций АТР (АТЭС и АСЕАН) предотвратить начало и смягчить последствия кризиса; негативную оценку деятельности МВФ и США, которые, предоставив помощь поражённым кризисом государствам ЮВА с опозданием и в ограниченных объемах, проявили безразличие к судьбе региона по сравнению со странами Американского континента (Мексика, Бразилия) или даже СВА (РК); рост авторитета Японии, предоставившей подвергшимся воздействию кризиса странам значительную финансовую помощь, и Китая, который воздержался от девальвации юаня, что могло бы еще больше ухудшить финансовое положение стран АСЕАН; выдвижение странами региона ряда инициатив по укреплению сотрудничества в Восточной Азии, часть из которых уже вступила в фазу реализации.

Первый саммит АПТ, в состав которой вошли десять стран АСЕАН, а также Япония, Китай и РК, состоялся в Куала-Лумпуре 15 декабря 1997 г. Результатом совпадения интересов членов АПТ, вызванного, в первую очередь, необходимостью объединения усилий для преодо-

ния финансового кризиса, стала быстрая регуляризация саммитов, которые было решено проводить ежегодно совместно со всеми формальными и неформальными саммитами АСЕАН. Особенностью третьего саммита АПТ в 1999 г. на Филиппинах стало проведение по инициативе японского премьер-министра первой неформальной встречи лидеров «северной тройки» (Китай — Япония — РК), так как в рамках АПТ сотрудничество между ними развито гораздо меньше, чем между странами АСЕАН.

В 2000 г. начался прогресс в финансовом сотрудничестве в Восточной Азии, когда в ходе встречи министров стран АПТ в Таиланде для дополнения действующих международных институтов было достигнуто региональное финансовое соглашение о мерах по совместному противодействию финансовым кризисам — так называемая Чиангмайская инициатива. На саммите АПТ 2000 г. в Сингапуре впервые прозвучали идеи желательности трансформации АПТ в саммит Восточной Азии. При этом президент РК Ким Дэ Чжун предложил создать из правительственных чиновников Группу исследований Восточной Азии для изучения практических путей расширения сотрудничества в рамках АПТ, а также исследования возможных последствий формирования саммита Восточной Азии, опираясь на оценку рекомендаций «группы мудрецов» региона.

Представленный доклад с рекомендациями на саммите АПТ в 2001 г., основным лейтмотивом которого стало постепенное формирование восточно-азиатского сообщества мира, процветания и прогресса населяющих его народов. Для достижения этой цели в докладе было дано 57 рекомендаций по пяти функциональным блокам сотрудничества: экономическому, финансовому, в области политики и безопасности, в сфере энергетики и окружающей среды, а также в области социального развития, культуры и образования¹⁷. Основными среди них, с точки зрения развития восточно-азиатского регионализма, можно считать формирование зоны свободной торговли Восточной Азии и либерализацию торговли ранее сроков, установленных Богорским соглашением АТЭС; создание регионального механизма оказания финансовой помощи; выработку оптимального механизма координации валютных курсов, обеспечивающего финансовую стабильность и экономическое развитие региона; эволюцию ежегодных саммитов АПТ в саммит Восточной Азии.

Группа исследований Восточной Азии изучила эти рекомендации и в 2002 г. предоставила собственный доклад на саммите АПТ в Пном-Пене, который стал первым серьёзным содержательным документом, согласованным в рамках АПТ. В докладе из всех рекомендаций 17 были отобраны для выполнения в ближайшем будущем, а ещё девять — как требующие дальнейшего изучения и выполнения в средне- и долгосрочной перспективе. Важность доклада состояла в том, что, хотя выполнение многих трудных для согласования рекомендаций было отложено, всё же членам АПТ удалось договориться о необходимости совместного выполнения ряда конкретных предложений.

Начиная с 2000—2001 гг., инициатива в продвижении восточно-азиатского регионализма перешла к Пекину. Знаковым шагом на

экономическом направлении стало предложение (2000 г.) премьер-министра Китая Чжу Жунцзи создать ЗСТ между КНР и странами АСЕАН, и на саммите АПТ в 2001 г. было принято решение о его заключении в течение 10 лет. С 2003 г. Китай усиленно развивает важное направление регионализма Восточной Азии в области безопасности, первым из партнёров по диалогу стран АСЕАН подписав базовый для МПО Договор о дружбе и сотрудничестве. В 2004 г. Пекин согласовал с АСЕАН двусторонний механизм урегулирования конфликтов, а в 2005 г. — направления сотрудничества в области предотвращения и борьбы со стихийными бедствиями.

Стараясь не отстать от Пекина, на саммите АПТ в 2003 г. Япония заключила с АСЕАН «рамочное соглашение о комплексном экономическом партнёрстве» и начала переговоры о заключении ЗСТ с РК. В 2004 г. Япония также присоединилась к Договору АСЕАН о дружбе и сотрудничестве. Достигнутые результаты торгового сотрудничества в рамках АПТ стимулируют появление новых возможностей для регионализма Восточной Азии. Так, по мере наполнения конкретным содержанием договорённостей о создании таких ЗСТ, как Китай — АСЕАН, Япония — АСЕАН и Япония — РК, на повестку дня встанет вопрос о начале переговоров между Японией и Китаем, что откроет путь к заключению общерегиональной ЗСТ либо первоначально рамочного соглашения о комплексном экономическом партнёрстве Восточной Азии. Однако подобное развитие событий станет возможным, только если Пекин и Токио смогут постепенно разрешить серьёзные двусторонние проблемы, в том числе исторического характера. В этом плане невозможно переоценить роль АПТ как площадки и катализатора улучшения сотрудничества между странами «северной тройки».

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать несколько выводов о причинах появления АПТ и оценить перспективы развития этой МПО. Во-первых, появление АПТ стало отражением геополитических тенденций развития региона. Странам АСЕАН было важно через развитие экономического сотрудничества «втянуть» Китай в диалог в области безопасности, одновременно поддерживая высокий уровень финансово-экономического сотрудничества с Японией. Пекин и Токио, столкнувшись с серьёзными проблемами двусторонних отношений, препятствующими регионализации СВА, в свою очередь, рассматривали страны ЮВА как ресурс укрепления своего влияния в Восточной Азии. Во-вторых, появление АПТ стало результатом проявления воли и настойчивости ряда политических лидеров, когда на стадии формирования АПТ ведущую роль сыграли премьер-министры Малайзии и Сингапура Махатир Мохамад и Го Хок Тон. По мере наполнения сотрудничества реальным содержанием лидерство в АПТ постепенно переходит к странам «северной тройки».

Наконец, роль АПТ как ведущего института развития регионализма Восточной Азии оспаривается в первую очередь Японией. На саммите АПТ в 2004 г. во Вьентьяне премьер-министр Малайзии Абдалла Бадави сделал предложение впервые провести в 2005 г. в Куала-Лумпур сам-

мит Восточной Азии, которое получило полное одобрение премьер-министра Китая Вэнь Цзябао. Предполагалось, что новый саммит заменит встречи в формате АПТ и проложит путь для широкой азиатской интеграции. Другие участники также согласились с предложением Бадави, однако проявили озабоченность по поводу возможного усиления роли Китая, что вызвало длительную дискуссию по составу новой организации. На её разных полюсах оказались Пекин и Токио, предлагавшие сделать его максимально закрытым и открытым соответственно. Опасение усиления Китая определило модель действий ряда государств, которые провели кампанию по включению в состав саммита Восточной Азии помимо 13 государств АПТ ещё Индии, Австралии и Новой Зеландии. В результате именно эти 16 государств вошли в состав новой организации в ходе саммита в Куала-Лумпуре в декабре 2005 г.

Включение в состав саммита государств, не входящих в классический, с точки зрения географии, регион Восточной Азии (при этом Австралия и Новая Зеландия не являются его частью и по культурно-этническим признакам) — это проявление противоборства двух конкурирующих подходов к развитию регионализма: «закрытого» (АПТ) и более «открытого» (саммит Восточной Азии). Смирившись с принятием трёх новых членов, накануне проведения саммита МИД КНР выступил с предложением о том, что АПТ, а не вновь образуемый саммит, будет играть главную роль в формировании сообщества Восточной Азии, что и было зафиксировано в Декларации саммита АПТ 2005 г.¹⁸

В ходе подготовки к саммиту Восточной Азии в Куала-Лумпур в качестве кандидата на вступление рассматривалась и Россия. Накануне инаугурационного саммита в Куала-Лумпур, 13 декабря 2005 г. был организован первый саммит в формате Россия — АСЕАН, что имело большое символическое значение. Подобные саммиты АСЕАН проводит только с Японией, Китаем, РК и Индией, и подъём РФ на этот уровень свидетельствовал о признании нового качества взаимоотношений. В результате Президенту России Путину была предоставлена возможность выступить перед участниками саммита в качестве гостя, которую он использовал для декларирования желания России вступить в состав новой организации, однако мнения по этому вопросу разделились. «За» высказывались Китай, Малайзия, Филиппины и РК. В то же время Сингапур и Индонезия выступили с совместным заявлением против намерения Малайзии поддержать российское членство¹⁹. По мнению Сингапура, Россия не соответствует одному из утверждённых критериев членства в саммите («наличие развитых отношений с АСЕАН»), так как её экономические отношения со странами МПО находятся на минимальном уровне. В этом контексте надо признать, что экономические связи Индии и Австралии с АСЕАН гораздо большие, чем у России. Если оценить объёмы товарооборота России и Новой Зеландии со странами АСЕАН, то в 2004 г. (на момент рассмотрения вопроса о членстве РФ и Новой Зеландии) они были вполне сравнимы (3,1 и 3,5 млрд. дол. соответственно), т.е. нежелание ряда стран принять РФ в состав саммита было вызвано не только

экономическими причинами²⁰. В результате премьер-министр Малайзии Бадави отказался от намерения предложить кандидатуру России, и решение по этому вопросу было отложено на неопределённый срок. За отказом Москве в приёме скрывается более глубокий раскол между участниками по поводу направления развития восточно-азиатского регионализма. В условиях роста влияния Китая в регионе ряд стран (Сингапур, Австралия, Япония, Индонезия) опасается, что включение в новую организацию России ещё больше усугубит эту тенденцию, в то время как они хотели бы получить от Вашингтона подтверждение его неослабного интереса к Восточной Азии.

В целом создание саммита Восточной Азии как конкурирующей модели регионализма привело к замедлению динамики развития АПТ в последующие два года. Тем не менее с 2007 г. Япония, Китай и Южная Корея ведут переговоры о создании фонда, инкорпорирующего восточно-азиатские финансовые резервы для поддержки курса валют стран региона. Он призван частично заменить созданную в рамках Чиангмайской инициативы систему взаимной поддержки, основанную на двустороннем обмене валют государств Восточной Азии. Объем фонда — 80 млрд. дол., при этом взносы от Китая, Японии и Южной Кореи²¹ составят в новом фонде около 80%, тогда как 10 других стран АСЕАН заполнят остальные 20%. Планируемые размеры взносов свидетельствуют о том, что в новой финансовой архитектуре Восточной Азии страны «северной тройки» будут играть главную роль.

Наиболее последовательный интерес к развитию сотрудничества в рамках АПТ в последние два года проявляет Китай, при этом преимущественное развитие пока получают связи в формате АСЕАН Плюс Один. Так, Китай и АСЕАН планируют уже в 2008 г. завершить переговоры по последнему важному компоненту ЗСТ подписанием соглашения по торговле услугами, которое охватывает 60 направлений этой деятельности, включая энергетический и транспортный сектора. В 2007 г. АСЕАН и Китай подписали соглашения по сотрудничеству в развитии информационных и связанных технологий и меморандум о взаимопонимании в области сельскохозяйственного сотрудничества.

В заключение необходимо отметить, что очевидный с конца 1990-х гг. спад в деятельности АТЭС, как и не очень эффективная работа АРФ, ведут к постепенной деконструкции «тихоокеанского» региона, а азиатский финансовый кризис дал сильный импульс развитию «закрытого» восточно-азиатского регионализма. Однако влияние этого фактора имело ограниченный по времени характер, и если в Восточной Азии не повторится что-то, по значимости сравнимое с финансовым кризисом 1997 г., то в дальнейшем его действие будет сдерживаться противодействующими факторами. Таким образом, развитие восточно-азиатского регионализма будет продолжаться в ходе соперничества конкурирующих моделей. Тем не менее первые саммиты Восточной Азии показали, что, хотя внешние границы Восточной Азии могут оставаться не вполне ясными, страны АПТ составят ядро и сохранят лидирующие позиции в его фор-

мирующихся моделях. При этом Пекин постепенно усилил политическое и экономическое присутствие в регионе, и в настоящее время взаимодействие между АСЕАН и Китаем является ключевой осью регионализма Восточной Азии, по сравнению с которой оценивается состояние отношений АСЕАН с Японией и РК.

В интересах подъёма дальневосточных территорий России необходимо конструктивно взаимодействовать с партнёрами на всех уровнях регионализма АТР. Безусловно, следует продолжать системную работу в структурах АРФ и АТЭС. Что касается предстоящего в 2012 г. саммита АТЭС во Владивостоке, то для его проведения нет необходимой инфраструктуры, и запланированная программа по подготовке позволит решить эту важную для города и региона задачу. В более широком плане подготовка и проведение саммита дадут возможность гражданам России больше узнать о деятельности АТЭС, о пользе для страны от участия в форуме, и самое главное — могут быть созданы предпосылки для активного вовлечения Сибири Дальнего Востока России в интеграционное пространство Северо-Восточной Азии.

Необходимость для России активно добиваться членства в саммите Восточной Азии в будущем (как и шанс на вступление) не вполне очевидно. С одной стороны, страны АСЕАН уже пригласили Москву для участия в ряде престижных форумов (АРФ, Россия — АСЕАН), растёт авторитет РФ в мире, а значит, и её значимость для АСЕАН как потенциального партнёра²². При этом участие в МПО, сформированных на базе АСЕАН, предоставляет Москве неплохие возможности для усиления политического и экономического влияния в Восточной Азии. С другой стороны, одних позитивных подвижек в развитии экономических связей со странами АСЕАН для решения вопроса может оказаться недостаточно. В условиях поляризации стран Восточной Азии по вопросу их отношения к роли США в регионе приём РФ может быть отложен и осуществлён одновременно с предоставлением статуса наблюдателя в этой организации США, как, например, предлагает Япония. Однако в этом случае саммит Восточной Азии по составу не будет отличаться от АТЭС и утратит не вполне ясную региональную идентичность.

В сложившейся ситуации России необходимо, несмотря на известные трудности, наращивать все виды сотрудничества в более близком регионе — Северо-Восточной Азии. Если же говорить о многосторонних институтах, то для этой цели вполне подходят шестисторонние переговоры по проблемам безопасности Корейского полуострова и инициатива Большого Тумангана.

¹ Higgott R. The International Political Economy of Regionalism: Europe and Asia Compared. In eds. by Coleman W., Underhill G. Regionalism and Global Economic Integration: Europe, Asia, and the Americas. London: Routledge, 1998.

² Kahler M. Conclusion: The Causes and Consequences of Legalization. International Organization 54 (3), 2000. P.661—684.

- ³ Acharya A. Culture, Security, Multilateralism: The «ASEAN Way» and Regional Order. In eds. by K. Krause Culture and Security: Multilateralism, Arms Control, and Security Building. London: Frank Cass, 1999. P. 55—84.
- ⁴ Narine S. ASEAN into the twenty first century: problems and prospects. *Pacific Review*, 12 (3), 1999. P. 357—380.
- ⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации // Независимая газета. 2000. 11 июля.
- ⁶ Buszynski L. Russia and Southeast Asia. In eds. by Hiroshi Kimura Russia's Shift toward Asia. Tokyo: The Sasakawa Peace Foundation, 2007. P. 195—197.
- ⁷ ASEAN Statistical Year Book 2005. Jakarta: ASEAN Secretariat, 2005. P. 70—73.
- ⁸ Lincoln E. East Asian Economic Regionalism. Washington, DC: The Brookings Institution, 2004. P. 130.
- ⁹ Якубовский В. Камо грядеши, АТЭС? / под ред. В. Соколова // Азиатско-тихоокеанские реалии, перспективы, проекты: XXI век. Владивосток: ДВГУ, 2004. С. 78.
- ¹⁰ Севастьянов С. В. Время соответствовать новым вызовам // Дальневосточный ученый. Владивосток, 2001. № 23.
- ¹¹ В 1986 г. Президент СССР М. Горбачёв выдвинул идею Тихоокеанской конференции по безопасности, что вызвало появление схожих региональных инициатив, предложенных правительствами Австралии, Канады и др.
- ¹² Powell C. Roundtable with ASEAN journalists. Washington DC, 25 July 2002. Available on-line at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2002/12207.html>.
- ¹³ Ignatov A. Russia in the Asia-Pacific. In eds. by R. Azizian, B. Reznik Russia, America, and Security in the Asia-Pacific. Honolulu: APCSS, 2006. P. 15.
- ¹⁴ For a Better Tomorrow: Asia-Europe Partnership in the Twenty-first Century. Asia-Europe Vision Group Report, 1999. P. 39.
- ¹⁵ См., например, речь министра иностранных дел РФ Игоря Иванова на заседании постминистерской конференции министров иностранных дел в формате Россия — АСЕАН в Пномпене, 19 июня 2003 г. МИД РФ, № 1441-19-06-2003, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/e78a48070f128a7b43256999005bcbb3/ Open Document.
- ¹⁶ Sato Koichi The ASEAN Regime: Development and Challenges of the ASEAN Foreign Policies. Tokyo: Keiso Shobo, 2003. P. 194.
- ¹⁷ East Asian Vision Group Report, Towards an East Asian Community: Region of Peace, Prosperity and Progress. 31 October 2001. P. 6—16.
- ¹⁸ Kuala-Lumpur Declaration on the ASEAN Plus Three Summit, Kuala-Lumpur, 12 December, 2005. Available at: <http://www.aseansec.org/1629.html>
- ¹⁹ Buszynski L. Russia and Southeast Asia. In eds. by Hiroshi Kimura Russia's Shift toward Asia. Tokyo: SPF, 2007. P. 192—199.
- ²⁰ Сингапур выступал против принятия России в члены АТЭС, АСЕМ и Саммита Восточной Азии.
- ²¹ Общая сумма валютных резервов Китая, Японии и Южной Кореи составляет 3,4 трлн. дол., и по этому показателю они занимают соответственно первое, второе и четвертое места в мире.
- ²² Kato Mihoko, Russia's Multilateral Diplomacy. In eds. by Iwashita Akihiro Eager Eyes Fixed on Eurasia. Vol. 2, Sapporo: Slavic Research Center, 2007. P. 151.

SUMMARY: The article by Candidate of Political Science, Professor Sergey Sevastyanov is devoted to the competing models of the emerging East Asian regionalism. The author suggests that Asian financial crisis had serious implications for East Asian institutions undermining APEC and ASEAN while giving a critical impetus to the ASEAN Plus Three process. However most recent formation of the East Asian Summit is a clear manifestation that East Asian regionalism is a work in progress.